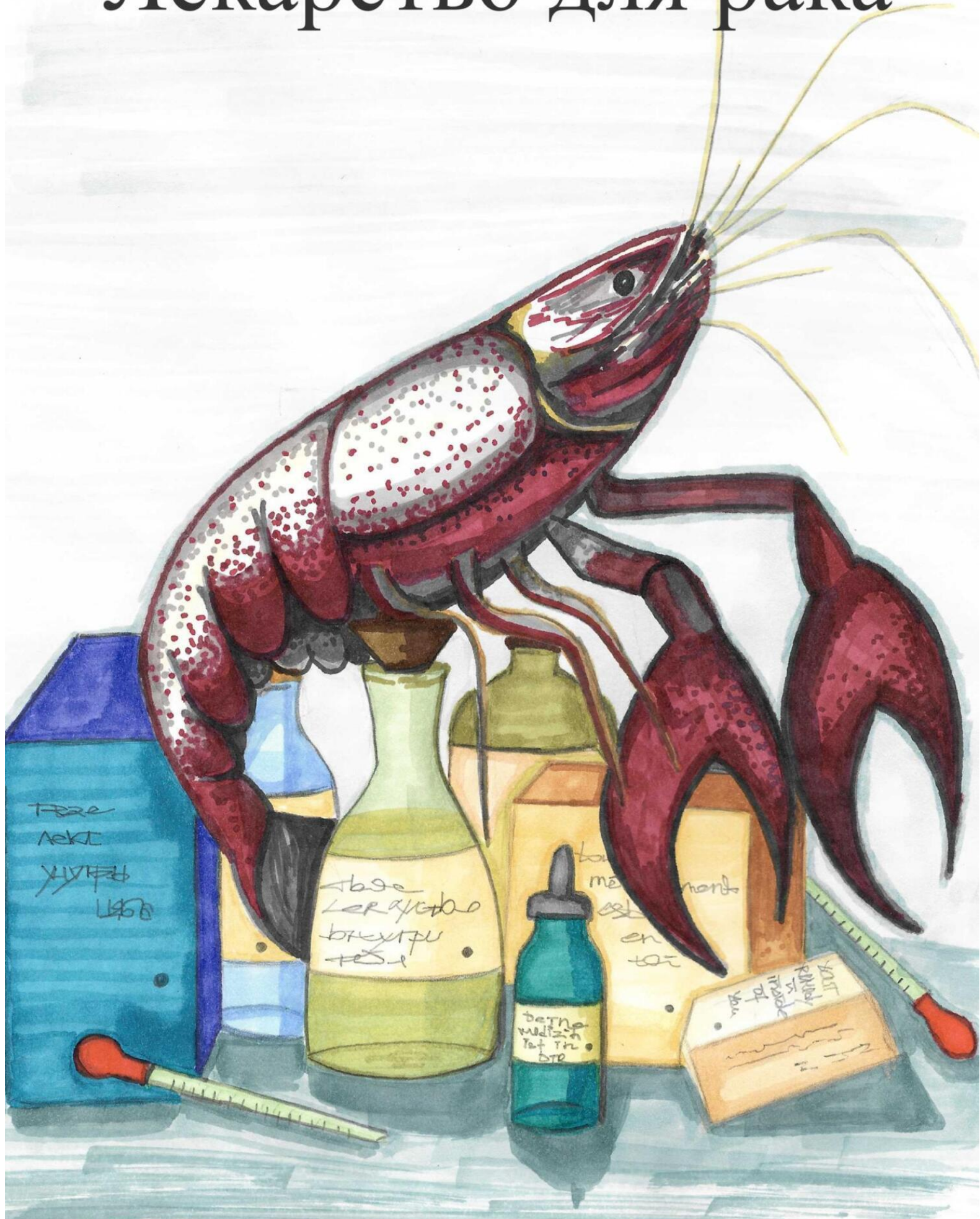

Валерия Поплавская

Лекарство для рака

Валерия Поплавская
Лекарство для рака

«Автор»

2024

Поплавская В.

Лекарство для рака / В. Поплавская — «Автор», 2024

Девушка внезапно сталкивается с тяжелым испытанием, преодолеть которое она, как ей кажется, не может. Однако обнаружив в себе невероятную силу и тягу к жизни, она побеждает. Или нет? Как узнает главная героиня, каждый новый выбор определяет все, что случится дальше.

© Поплавская В., 2024

© Автор, 2024

Валерия Поплавская

Лекарство для рака

Глава 1

Начало

Я проснулась в шесть часов. За окном было еще темно. Глаза слипались, очень хотелось еще поспать, но надо было ехать на работу. Едва открыв глаза я поняла, что что-то не так. Мои ноги не шевелились, а руки будто бы весили тонну.

Я попыталась повернуться на бок, но ничего не вышло. С моих губ слетел сдавленный крик, а из глаз полились слезы. Вдруг я услышала шорох. Это проснулся мой муж. Он протянул ко мне руку сквозь сон, но вдруг резко ее отдернул, а затем, закричав, вскочил с кровати.

– Что это? Что это такое? Арина! Что за чудовище у нас в кровати? – тут он побежал на кухню, яростно топая ногами.

Я растерянно смотрела в потолок. О ком он говорил? Куда он пошел? Почему звал меня, хотя я лежу здесь? Я еще раз попробовала перевернуться на бок, и тут я заметила что-то странное. Мне удалось пошевелить рукой, и я поняла, что это вовсе и не рука.

Я подняла над собой что-то омерзительное, напоминавшее скорее крюк или клешню. Я закричала, что было мочи, и на этот крик прибежал мой муж. Он растерянно уставился на меня, и лицо его выражало целую смесь эмоций. Там были и ненависть, и непонимание, и отвращение, и сочувствие.

– Арина? – сказав это, он вдруг как-то испугался, и лицо его искривилось.

– Да, да, это я!

Он настороженно посмотрел на меня, а затем сделал один шаг вперед. Я замерла в испуге. В тот момент мне казалось, что он убьет меня, уничтожит. Мне было страшно, я не знала, как объяснить ему, что со мной произошло.

– Арина, это ты? – он спросил недоверчиво.

– Да!

Он напряженно выдохнул и сделал еще один шаг ко мне. Он стал медленно качать головой из стороны в сторону. Я хотела было сказать еще что-то, чтобы его успокоить, но слова не шли, и я решила вообще ничего не говорить. Тут он приблизился и сел рядом на кровати. Он провел рукой по тому, что раньше было рукой у меня.

– Я ничего не понимаю, Матвей...

Он посмотрел на меня, поднял обе руки к голове и схватился за волосы.

– Я поеду за доктором. Возможно, он знает, что с тобой.

– Побудь со мной, мне так страшно. Я не могу пошевелиться...

Он поцеловал меня куда-то в район лба, сказал, что с этим нельзя затягивать, и ушел. Я осталась в квартире одна, и меня начали одолевать мысли. Как мне теперь жить? Надо позвонить начальнику и сказать, что я заболела. Как так вышло? Теперь вся жизнь изменится.

От этих мыслей мне сразу стало плохо, меня затошнило, поэтому я решила заснуть, чтобы как-то отвлечься от раздумий. Я проснулась через два часа, когда вернулся муж с доктором. Не знаю, что он сказал доктору, но тот, почему-то, вовсе не удивился, когда увидел меня.

Доктор внимательно осмотрел меня, затем они с Матвеем перевернули меня на бок, чтобы мне стало удобно лежать.

– Ваша жена – рак, и, скорее всего, в таком виде останется до конца своей жизни.

– И что теперь, мы ничего не можем сделать?

– Боюсь, что нет. Наука пока бессильна, лекарства от такой болезни еще не изобретено.

Но вы не переживайте, это иногда случается с людьми.

Муж обреченно вздохнул, а затем сел рядом со мной и стал гладить мои плечи, но почему-то я совсем ничего не чувствовала. Мне не хотелось говорить, поэтому я просто слушала, что скажет доктор. Он говорил много, но я не смогла его дослушать, потому что почти сразу заснула вновь.

Когда я проснулась, в квартире было несколько человек. Я не видела их, я только слышала их шаги и разговоры в соседней комнате. Там ничего еще не было, мы хотели сделать в комнате ремонт через несколько месяцев, поэтому я очень удивилась.

Мне было скучно просто лежать в кровати, и я попыталась с нее встать. Я подползла к самому ее краю и замерла. Я не знала, как управлять моим новым телом. Оно ужасно много весило, и мне непонятно было, как его заставить двигаться. Я свесила голову над кроватью, и вдруг все мое туловище стало наклоняться, а потом потеряло точку опоры. Я упала с кровати, глухо ударившись о прикроватную тумбочку. Мой муж зашел в комнату и, увидев меня на полу, бросился ко мне. Он попытался поднять меня.

– Прошу, не делай этого, я вешу целую тонну!

– Это не так, ты вешишь столько же, сколько и раньше.

И он поднял меня, а затем снова опустил на пол.

Я сказала ему, что мне не нужна помощь, и я просто хочу прогуляться по комнате, а он попросил меня никуда не выходить. Мое тело очень неохотно меня слушалось, и мне казалось, что я никогда так сильно не напрягалась прежде. Я отметила про себя, что мои шаги стали совсем тихими, я передвигалась тише кошки. Я пока не понимала, какого размера мое тело, и поэтому мне то казалось, что я очень маленькая, и вокруг меня много свободного места, то казалось, что я огромного размера, и комната настолько стесняет меня в действиях, что я могу прямо в эту секунду задохнуться.

Я походила по комнате, задев несколько раз открытую дверцу шкафа и стол, и узнала, что, судя по всему, у меня очень крепкий панцирь, или что там у раков... От одной мысли, что я вдруг стала членистоногим, мне стало дурно.

Я быстро устала от прогулки, поэтому остановилась посреди комнаты, заняла удобное положение и закрыла глаза. Воспоминания пронеслись передо мной, как если бы я снова переживала события двухмесячной давности. Все началось с обычной боли в спине. Я пришла из магазина в тот день, когда муж болел. Продуктов надо было купить много, поэтому пакеты, которые я несла от магазина до дома, казались мне безумно тяжелыми. Тогда я заметила, что что-то не так с мышцами спины. Я списала все на обычную усталость и не стала больше об этом думать.

Но спустя неделю мне стало хуже. Я уже не могла двигать головой, и мне стали приходить в голову навязчивые мысли о том, что у меня сдвинулся позвонок. Ночью боль становилась настолько невыносимой, что я даже плакала. Наконец я решила сходить к врачу. Но оказалось, что с моей спиной все в порядке. Не было никаких проблем ни с позвоночником, ни с мышцами. Тогда доктор взял мою кровь на анализы, и я отправилась домой, мазать спину каким-то разогревающим гелем. На время он действительно снимал боль, но вскоре она началась с новой силой, и мне приходилось вновь и вновь намазывать свою спину гелем.

Вскоре я узнала, что мои анализы не в порядке, но что конкретно не так, мне не сообщали. Я только поняла, что мой врач очень испугался за мое здоровье. Затем у меня стали болеть ноги. Они словно надувались, особенно ночью, и мне было больно сидеть или долго стоять. Я не понимала, что со мной происходит. Моя подруга, узнав, что я попала в беду, позвала меня однажды к себе.

– Дорогая, тебе надо с этим что-то делать. Ты не думала, что это нервное? Мне кто-то говорил, что все болезни от нервов.

– Лен, я не думаю, что нервы могут сделать с человеком такое, – я устало посмотрела на неё.

– Боже мой! – она всплеснула руками. – Арина, в твои мешки под глазами можно складывать картошку! Когда ты в последний раз нормально спала?

Я потупила взгляд. Я очень хотела спать, и у меня не было никакого желания оправдываться перед подругой. Она встала, вышла в другую комнату, а затем начала говорить с кем-то по телефону. У Лены дома было очень тепло. Она скоро вернулась и сказала, что договорилась с каким-то человеком о том, что мы с ним встретимся через неделю. Он, по ее словам, поможет мне. Как именно, она не уточнила, да и мне было плевать, потому что тело вновь разболелось, и я решила отправиться домой.

– Арин, ты голодна? – от мыслей меня отвлек голос мужа.

Я собиралась было кивнуть, но голова с трудом опустилась на пару миллиметров, так что муж, скорее всего, даже ничего не заметил. Тогда я сдавленно промычала «Да».

Он принес мне омлет с тостом на моей любимой тарелке и поставил ее прямо передо мной. В этот момент я почувствовала грусть, ведь теперь я не могла есть как человек. Из моих глаз брызнули слезы, и Матвей сразу же это заметил. Он принялся их вытирать, приговаривая что-то, чтобы меня подбодрить. Я внезапно сильно испугалась, ведь я не понимала, что он говорит. В моей голове пронеслись мысли о том, что я теперь не понимаю человеческий язык.

Мое внимание отвлек омлет, который я сразу же принялась есть, и мне постепенно становилось легче. Я заметила, что теперь еда имела какой-то другой вкус, и мне он совсем не нравился, но я продолжила есть, потому что умирать с голоду мне не хотелось.

Я услышала шум из соседней комнаты. Я помнила, что там были какие-то люди, и мне стало интересно сходить туда.

– Я хочу выйти, – начала я.

– Дорогая, тебе не стоит выходить. Доктор сказал, что лучшее, что ты можешь сделать сейчас, – поспать. Согласна? – он с опаской посмотрел на меня, он ждал моей реакции.

– Ты думаешь, что я напугаю этих людей, так?

Он осторожно кивнул, не отводя от меня взгляда.

– Они скоро уйдут, и мы сможем вместе сходить туда. А сейчас ложись, засыпай.

– Но что они делают там?

– Скоро ты все сама увидишь.

Вроде бы я только уснула, как вдруг почувствовала, что он прикоснулся к моему лбу, пытаюсь разбудить, и сразу же открыла глаза. Он улыбался мне, и я почувствовала облегчение.

– Пошли со мной, дорогая.

Я последовала за ним. В комнате с голыми стенами без обоев, с бетонным полом, стоял огромный аквариум. В него, как мне казалось, можно было легко поместить акулу. Но тут же я испугалась. Этот аквариум значил только одно для меня – назад дороги нет, я никогда не стану прежней. Я – чудовище. Я не человек больше. Мне стало так обидно, так больно, так тяжело. Почему это случилось со мной?

Нечто похожее чувствует ребенок, которого мать оставила на кассе супермаркета, чтобы тот подержал очередь, пока она отошла за гречкой. Вот что было тогда внутри меня. Эта заброшенность, чувство тотального, неотвратимого одиночества. Эмоции захлестнули меня, и, кажется, мой муж все понял. Он принялся гладить мой бесчувственный панцирь, пытаюсь хоть как-то меня поддержать. Он понятия не имел, что легче мне не становилось, я только еще больше пугалась.

Теперь нашему браку придет конец, в этом можно было даже не сомневаться. Никто не сможет любить то чудовище, которым я стала. Я уже даже не человек, я даже не могу к нему прикоснуться, поцеловать его, как раньше. Мой муж взял меня на руки и аккуратно перенес в аквариум. Там было замечательно, аквариум был достаточно наполнен водой, так что я полностью могла в нее погрузиться. Там ещё был небольшой искусственный островок, на который я при необходимости могла легко забраться.

Матвей весь день провел рядом со мной. Он старался меня как-то развлечь, читал мне вслух книгу, пересказывал свои разговоры с рабочими, которые устанавливали аквариум и все время интересовались, для кого он предназначен. Мы много смеялись, но меня не покидало ощущение приближающейся катастрофы. Все это больше никогда не повторится по-настоящему. Мы не сможем быть мужем и женой более. От этого понимания мое сердце разрывалось на миллион мелких, жалких клочков.

А на следующий день он ушел на работу. Действительно, ведь не может же человек бросить работу, не может все время проводить со мной, утешать меня. Это было очевидно. Я не знала, как себя развлечь, а от тяжелых раздумий мне хотелось наложить на себя клешни, но я осознавала, что причину еще больший вред своему мужу. Наверняка бедняге очень трудно сейчас. Возможно, даже труднее, чем мне...

Мне хотелось есть, и все так же клонило в сон. По моим подсчетам, я спала около 10 часов, но я все равно была сонной, и то и дело проваливалась в мир грез. Мои сны были сейчас другими, они сильно отличались от прежних. Мне снились глубокие моря, холод океана, темнота неизведанных глубин, и рыбы, много всяких удивительных рыб. Когда я просыпалась и обнаруживала себя в этой комнате, мне становилось так одиноко, что хотелось взвыть, но потом я вспоминала, что я рак, а не волк.

Я много думала о Матвее. Я становлюсь для него обузой, и мне ужасно этого не хочется. Может быть, если мне удастся его уговорить, он отвезет меня на какой-нибудь красивый водоем, и я останусь там жить. А он?... А он будет приезжать ко мне. Вздор! Конечно же, он на это не согласится. Впервые в жизни я сожалела, что мой муж меня любит. Я молча опускала в воду свои клешни, и прислушивалась к звукам, которые издавали мои новые конечности.

Затем тяжелые мысли о браке куда-то исчезли. Остался только страх одиночества. Мне стало так страшно от того, что я в комнате одна, и нет больше никого, и мне не с кем поговорить. Мне показалось даже, что я могу сойти с ума, так что я пуще прежнего принималась лупить по воде, чтобы издавать какие-то звуки, и делать вид, что мне не страшно быть наедине с собой. В детстве мы все через подобное проходим, только будучи детьми, мы боимся, что в этой тишине спряталось, притаилось отвратительное чудовище. Сейчас же этим чудовищем была я.

Мне хотелось хоть как-то себя подбодрить, так что я попыталась проговаривать какие-то аффирмации, которые я недавно видела у всяких разных авторов, занимающихся саморазвитием. Для большего своего спокойствия я приняла решение проговаривать их не у себя в голове, а вслух, мало ли, вдруг это будет эффективнее. «Моя вселенная заботится обо мне», произнесла я и застыла. Наверное, я давно не говорила, поэтому получилось не очень красиво. Я попробовала еще одну аффирмацию: «Я верю только мыслям, которые ведут меня к цели». Вот тут я уже не на шутку испугалась, а потому решила пока остановиться и, возможно, продолжить немного позже. Сама не заметила, как с моих твердых век покатился град слез. Мне было себя очень жалко, я была еще очень молода, и я не хотела, чтобы моя жизнь закончилась так рано и вот таким образом. И еще я думала о своих близких. Теперь, когда у меня оказалось так много свободного времени наедине с собой, я могла подумать о том, о чем думать раньше просто боялась. А сейчас для меня куда страшнее оставаться один на один с этой гремящей тишиной, и я была рада уцепиться за любую тему для размышлений, потому что создавалась иллюзия того, что у меня есть хоть какой-то контроль над ситуацией и я пока не схожу с ума.

Я была на самом деле очень обижена на Матвея, мне вдруг показалось, что он никогда по-настоящему меня не любил. Я думала о том, что он мог бы и сильнее стараться для меня, как я старалась для него. Он мог бы забирать меня с работы на своей машине чаще, чем пару раз в месяц, и он мог бы покупать мне мои любимые цветы, да хоть каждый день, а он этого не делал. Мне всегда хотелось, чтобы он готовил завтрак хоть иногда вместо меня, чтобы он приносил мне утром кофе, чтобы приготовил хоть раз что-то романтическое для меня. Меня

мучило подспудное понимание, что он и не хочет быть со мной, и, наверное, и не хотел никогда по-настоящему.

Я стала вспоминать, как это было, когда мы только-только начали встречаться. Он так мне нравился, и я очень старалась показать себя с самой лучшей стороны. Забавно, но я не могу точно сказать, что меня в нем привлекло. В моем воображении стали проступать сначала неясные, а затем все более четкие контуры того места, где мы впервые встретились. Это, кажется, было в центральном парке. Я, по-моему, впервые в жизни решила погулять одна, не с подругой, не с ухажером, не с кем-то из коллег, а одна. Своего рода вызов, потому что я, на самом деле, боюсь оставаться наедине с собой, всегда боялась, потому что это ужасно скучно.

В тот день было очень тепло, весь парк был залит приятным равномерным свечением золотисто-желтого цвета. Кажется, от горячей земли вверх поднималась испарина, так что создавалось впечатление, что все, что ты можешь видеть – всего лишь мираж, иллюзия. Я медленно шла мимо лавочек, выбирая ту, которая мне понравится больше всего. На одной отдыхал бездомный, развалившийся бесстыдно на скамейке. Он дремал, из его рта вылетали хриплые причмокивания, а в правой руке он крепко сжимал бутылку водки. Меня аж покорило от отвращения, так что я поспешила пройти мимо. Проплывали молодые люди, расслабляющиеся после пар в университете, юные девушки в задорных юбках, хихикающие не потому, что смешно, а чтобы привлечь внимание какого-нибудь из тех ребят-студентов.

С огромным усилием я продолжала шагать дальше, едва удерживаясь от того, чтобы не закатить глаза. Не могу передать, как все они меня раздражали. И тут вдруг среди всего этого уродливого карнавала безвкусицы и лжи я заметила его – то ли непонятый гений, то ли недооцененный художник. Я еще даже не знала его имени, но уже четко понимала – я ему нужна, только я ему могу помочь. Он сидел один, на самой дальней лавочке, в глубине деревьев, скрытый густой тенью зеленой листвы. Его голова была устало откинута назад, так что казалось, что он томно смотрит куда-то вверх. Правую руку он положил на спинку лавочки, и кисть небрежно свисала, как будто бы была очень утомлена. Все его тело давало мне понять, что он какой-то несобранный, а кроме того глубоко разочарованный в жизни, уставший от чего-то, может быть, даже и от самой жизни.

Я подошла поближе и спросила, не занято ли рядом с ним. Он немного встрепенулся и удивленно посмотрел на меня. Видимо, он не ожидал, что кто-то его побеспокоит. После того, как я спросила его имя и представилась сама, он заметно оживился, ему было приятно мое внимание. Не помню, что там было дальше, потому что никакого особо удовольствия я от этих отношений не испытывала. Он был подающим надежды, но бедным и несчастным программистом, а я решила, что это задача как раз для меня. Если говорить метафорически, то я отбросила все-все свои дела и планы ради того, чтобы вырастить из него Человека. На самом деле, я влюбилась, вроде как, и не в него, а в мои мысли о том человеке, каким он мог стать.

Он, как мне сейчас видится, никогда не был по-настоящему заинтересован ни во мне, ни в том, чтобы стать «лучше», он просто иногда позволял мне с собой что-то там делать, совершенствовать его, однако сам он едва ли что-то хотел менять. И вместе с тем, я была ему нужна очень сильно. Наверное, он только поэтому и женился на мне, а точнее позволил мне его на себе женить. Зачем только мне это было, я не понимаю сейчас, но тогда казалось, что если я не замужем, то я какая-то не такая, не очень. Тем не менее, он действительно не мог без меня. Вероятно, ему было приятно, что я всегда была в состоянии решить его проблемы, дать денег на «развитие» в карьере (оказывалось, на алкоголь), позвонить начальнику, чтобы сказать, что он заболел, хоть он и не был болен. И во всем я была готова его оправдать, прежде всего, перед самим собой и передо мной. Мне приходилось отрицать то, что с самого начала с нами происходило, а теперь правда вдруг открылась мне сама. Неужели мне для этого обязательно надо было заболеть такой ужасной болезнью? Хотя действительно, я бы никогда не остановилась в любой другой ситуации, я бы никогда не стала думать о таком.

Я попробовала вспомнить что-нибудь другое, что-то, что могло бы напомнить о счастье, но так оказалось, что у меня не было хороших воспоминаний, или, по крайней мере, они были где-то очень глубоко похоронены внутри моей души. До встречи с Матвеем я училась в нелюбимом университете на ненавистной специальности. Учеба давалась мне слишком тяжело, и я до сих пор так ни разу и не воспользовалась дипломом, он где-то лежит в шкафу. Честно говоря, я даже не помню точно, как называется моя профессия. Я помню, что мне приходилось очень много учиться, с самого утра и до полуночи. Затем я еще устроилась работать на полставки, так что я в лучшем случае отправлялась спать после 2 часов ночи. Неудивительно, что из-за такого образа жизни моими частыми гостями стали нервные срывы, пропуски занятий, а затем мое здоровье стало рассыпаться на мелкие кусочки.

Напряжение, в котором мне как-то приходилось выживать, так сильно сжимало меня, что у меня развилась медвежья болезнь, и любой выход за пределы дома вызывали приступы, и в результате я опаздывала, где только можно. Иногда мне удавалось хоть немного восстановить силы, прогуливая иногда несколько дней подряд, и тогда на время все прекращалось, но затем, с возрастающей нагрузкой, возвращалось с новой силой. В конце концов, я стала очень дерганой, набрала 30 лишних килограмм, от которых, к слову, так до сих пор не избавилась, а затем у меня развилась астма. Каждый день я просыпалась с мыслями о том, что я лучше удавлюсь, чем продолжу так жить.

Я попробовала вспомнить другое время, в которое буквально все хотели бы вернуться – школа, но и тут меня ждало разочарование. Пока я училась в школе, все тоже было очень мрачно и неприятно. Можно было бы сказать, что это хуже, чем универ, потому что тогда у меня, по крайней мере, было меньше забот, но и это не было правдой. Было тоже плохо, просто по-другому.

Еще несколько жалких попыток вспомнить хоть что-то, и я бросила это дело. Очевидно, что мне никогда не было хорошо, и во многом, как сейчас я, к своему неудовольствию, осознала, это была моя вина. Я имею в виду, я вполне могла организовать свою жизнь таким образом, чтобы сейчас не причитать внутри себя, а быть довольной и счастливой. Например, я могла бы не бояться так уж сильно своего одиночества и пройти мимо Матвея, или хотя бы не связывать с ним свою жизнь, или позволить ему быть таким, какой он есть, и посмотреть, что из этого выйдет. Я могла бы вообще ничего и никого не бояться, и выбрать то, что именно мне по душе. Наверное, было много разных возможных вариантов того, как могла бы сложиться моя судьба. Теперь, кажется, больше нет никаких вариантов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.